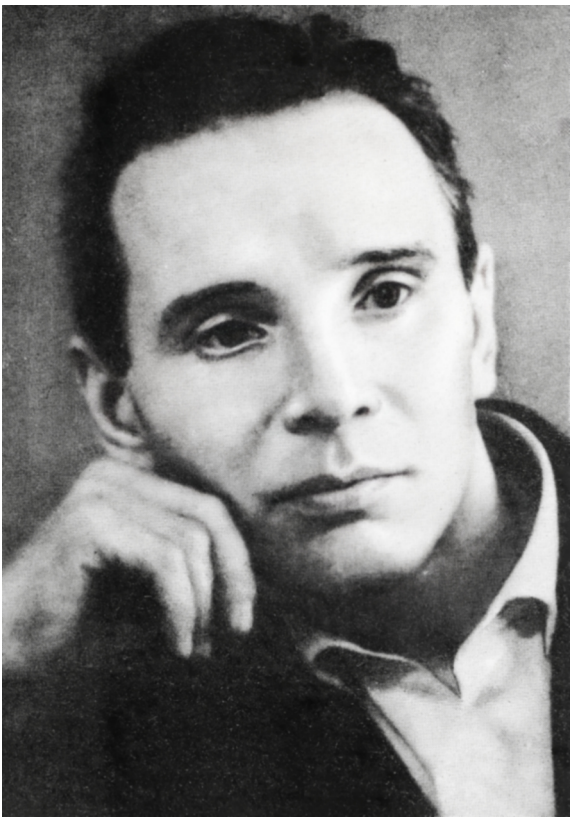

**Михаил
АСЛАМОВ**

**Человек
с черемухой**

М. А. Сидоров

Михаил АСЛАМОВ

Человек с черемухой

Стихи

Хабаровское книжное издательство
1969

P 2
A 90

OXO

* * *

Кто выдумал: «Старо, как мир»?
А мир — какой он, к черту, старый!
Мир стар,
 когда ты сам — усталый,
Когда ты сам себе не мил.

Но стоит утром из ковша
Хлебнуть воды, ледком покрытой —
В тебе зайдетсЯ вдруг
 от крика
Новорожденная душа.

Как будто, в трубы не трубЯ,
Свершило утро за мгновенье
Ликующее
 обновленье
Земли, и неба, и тебя.

И ты — не в силах устоять,
Ты, заразясь примером утра,
Шагнешь с крыльца светло и мудро
С одним желаньем — обновлять!

Теряется юность в туманах...

Теряется юность в туманах,
Неясной звездой становясь...
Но стоит затронуть баянам
Военного времени вальс —

И вновь
 молодым однолюбом,
Отцовский пиджак на плечах,
Пройду я к рыбацкому клубу,
Железной подковкой стуча.

Висячая лампа с простенка
Мигнет и прибавит огня,
Рыбачка — нарядная Ленка,
Смущаясь, окликнет меня.

Я вспыхну от радости жгучей,
Но тут же ее приглушу
И Ленку
 на танец летучий
Небрежным кивком приглашу.

И словно бы так, между прочим,
Скажу невпопад, что люблю,
И снова
 ботинком рабочим
На Ленкин сапог наступлю.

И только с последним аккордом
Оставляю я Ленку-красу.
Уйду
 из военного года
И светлую грусть унесу...

Он видел смерть...

1

Война в начале только.

Я в тылу,

Неопытный еще, неогрубелый.

Но — фронтовик, оттуда,

самый первый

На костылях проходит по селу.

Он, помнится, был вздорным мужиком!

И до войны среди ловцов бывалых

Всерьез не принимался.

«Поддувалом»

Его дразнили. Был он печником...

Средь чистой до наивности зимы

Казался он подбитой серой птицей.

Смотрел, не узнавая, в наши лица...

Он явно знал, чего не знали мы.

И вроде стал он приходить в себя,

Когда в дому дошло до скудных рюмок.

Но, волосенки сына теребя,

— Я видел смерть, — сказал он вдруг угрюмо.

И смолкли все. И, чем-то смущены,
Ловцы, не раз гостившие у смерти, —
Они в глаза ему смотреть не смели...
— Он видел смерть! — шептались пацаны...

2

Ах, Петька!

Кто подумать мог бы,
Что изведет его война!..
Как гордо

ГТО и МОПРа

На нем сверкали «ордена».

Другого не было в округе
Такого же весельчака...
Война.

Пришел он одноруким
И нервно дергалась щека.

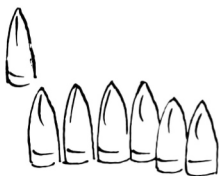
Но — жив! В системе общепита
Он чем-то после торговал.
Но что-то было в нем убито
Войной проклятой наповал.

И все, что раньше в Петьке пело,
Теперь стонало и тряслось.
«У, язвы! Вас туда бы, в пекло!»
Срывал на бабах Петька злость.

А бабы вслед ему рыдали,
Когда селом он проходил.
И все казалось:

не медали —

Осколки звякали в груди...

Подмости

Мне первый токарный станок
Никак не хотел покоряться:
До главных его рукояток
С трудом дотянуться я мог.

Беду мою к сердцу приняв,
Завхоз сколотил мне подмости —
И так ненароком подростка
Со всеми в правах уравниал...

Война ненасытный обряд
Творила кроваво и слепо.
Ей — вроде насущного хлеба
Сработанный мною снаряд.

Я раньше других уставал,
Был слабым, за то — не взыщите.
Но Родине был я защитник,
Когда на подмостки вставал.

**Мне ночь после смены — провал.
Как будто вконец обескровлен...
Но был я
 со временем вровень,
Когда на подмостки вставал.**

Урок

Была война — такое дело,
Стал голодать я — припекло.
И в самый раз уже припело
Менять на пищу барахло.

А что менять? Да хоть ботинки,
Их по талону получил.
И парень, с эдакой «блатинкой»,
Свою мне стеганку всучил.

Он так просил: «Уважь... Свежи-ка, Сменяй!..» Заглядывал в глаза... И прибыл я в район с визитом, Точней, с вещами на базар.

Стою, торгуюсь, в оба глядя:
Тут торгоши-то к жоху жох.
Вдруг чувствую:
мордастый дядя
Взглянул — как пламенем обжег!

Одну минуту поколеблясь,
Он вырвал стеганку из рук.
«Щенок, заказывай молебен», —
Предупредительно изрек.

И самоличную отметку
Узревши под воротником,
Он с удовольствием заметным
В лицо мне врезал кулаком.

Ну и понес!

Я, словно мячик,
Взлетал и снова — наповал,
Пока он простоту телячью
Жестоким боем выбивал.

Он бил меня во весь свой норов
Стяжателя и подлеца.
Бил посягателя, бил вора,
А тут — ни брата, ни отца...

Я мертв и жив был вполовину,
Когда, по правде рассудив,
Пыл разъяренного детины
Ударом
грузчик «остудил».

Что ж, опыт — опытом. Не купишь...
Выходит, нужно разбирать,
Кому в ответ на просьбу — кукиш,
Кому объятья раскрывать?

И жизнь моя была бы грустной
При горьком опыте таком,
Но знаю я,
что жив и грузчик
Со справедливым кулаком.

Трепач

До громких не охочие речей —
Тогда нуждались очень в балагурах —
Любили мы на общем перекуре
Отъявленных послушать трепачей.

Один такой — ну, помню, заливал!
Качали головой: мели, Емеля...
То анекдот, то сон.

а то, с похмелья,
Про то, как женщин он одолевал.

Так смаковал он, что в печи огонь
Трещал, казалось, от стыда и злости...
Он по поселку слыл

желанным гостем,
А все — за жалостливую гармонь.

Талантлив был, признаться, рыжий черт!
Когда, хмелея, он ее растянет —
То в человеке

словно что растает
И по щекам слезами потечет.

Солдатки плакали (а жив ли еще муж?..)
И вдовы — над судьбою горемычной.

Ну, а ему гармонь была
отмычкой —
Не более — от мягких бабьих душ.

Смеялись мы, журили — так, без зла,
И — что скрывать! — завидовали даже.
И баб за слабость кляли. Но однажды
К нам в мастерскую
женщина вошла.

Худая, нараспашку пальтецо,
Она прошла, угрюмо зубы стиснув,
И, подступив вплотную к гармонисту, —
Как выстрелила! —
плюнула в лицо.

Так гармонисту отомстил плевков
За бабью слабость под мужской рукою.
Еще — за что-то высшее такое,
Что я в то время и понять не мог.

Черемуха

Брату Алеше

Над сопками
и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги.
И зернышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре
человек.

Вот на пригорок он легко взбежал.
В одной руке белело что-то, пенясь.
И неуклюже, будто подбоченясь,
Он правую на поясе держал.

Он подходил — и смог я различить:
Черемуху он нес, по-детски кроток,
К груди так прижимая,
словно кто-то
Хотел его с букетом разлучить.

Он в левой нес. А правая, была...
Вернее, правой не было, а просто
Рукав ремнем был прибинтован плотно...

Ах, как в тот год черемуха цвела

С нелепо укороченным плечом
Шел человек. Он явно волновался.
И как-то отрешенно улыбался
И припадал к черемухе лицом.

Шел у калиток, хриплых от забот,
Где старики с лицом желтее воска,
Сквозь очередь у хлебного киоска —
С черемухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе вздыхала тяжело
И все глядела вслед из-под руки.

Смотрел и я. Смотрели старики.
Так удивленно, будто бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черемуха

роняла

лепестки.

Танцы

После долгой войны и победной,
Грозным пламенем битв опален,
Средь домов,
 дистрофически бледных,
Победителей стал батальон —

Отдохнуть и водицы напиться,
Утомил их большой переход.
И не праздным влеком
любопытством,
Потянулся поселком народ.

**Победители истово пили
Из ковшей поднесенных до дна,
И отчаянным блеском слепили
Всех мастей на груди
 ордена.**

**Ветерком среди зрителей смутно
То ли смех, то ли вздох, то ли стон...
Но рассыпался вдруг
 баламутно
Перламутровый аккордеон!**

Вот разведку — как перед боем —
Перебором солдат завершил,
И сердечное что-то такое
Тихо пальцами заворошил.

Разом — словно прибавилось света.
Будто облачко с солнца сошло!
И танцоров,
 сурово одетых,
Закружило уже, понесло!

Были бабы
 тихи и покорны,
Всю войну отходяв в мужиках.
Были платья
 заметно просторны,
Всю войну отлежав в сундуках.

Но мелодия легкость дарила —
Веселей, музыкант, веселей!
Хоть ждала еще
тетка Мария
Трех убитых своих сыновей.

Но взлетали крылатые платья!
Хоть еще под высокий аккорд
Пробивалась в мелодии плачем
Музыканта великая скорбь.

Ох, как все разучились смеяться!
Ох, мутна в половодье вода!
Ей еще предстоит
отстояться.
Отстоится еще, не беда...

Лейтенанты

Гарнизонным начальством отпущены
Лейтенантам веселые дни.
Гарнизоны богаты
пушками,
А девушками вот — бедны...

Рада, рада столица районная
Лейтенантов своих привечать!
Будет клуб
от души радиоловой
Допоздна лейтенантов качать.
Пусть всего-то по звездочке воздано
Молодым, неокрепшим плечам,
Но зато
генеральскими звездами
Полыхать им в глазах у девчат!..

А в гостинице
на молоденьких
Все дежурная грустно глядит
И зовет лейтенантов
«володеньками»,
Память в сердце своем бережит.

Будто видит: заходит он в горницу,
(В сердце девичьем радость и страх),
А в петлицах — по треугольничку
И по чертику — в синих глазах.

Но споткнулся Володя на Оudere,
Под свинцовым огнем, впереди.
Нету, нету Володи...

А вроде бы
Это он прокричал: «Выходи!»

И уходят!.. Ах, как они веселы!
И натянуты, как тетива!
И смешно:

«Упаси от агрессии», —
Командирская шепчет вдова.

Человек
с бухенвальдским
значком

Мы попутчики.

Мне незнаком

Молчаливый купейный сосед мой.
Он шуршит одиноко газетой,
Человек с бухенвальдским значком.

Оказавшись потом остряком,
Улыбаясь вставными зубами,
Анекдотом меня позабавил
Человек с бухенвальдским значком.

Он смеется надрывным баском,
От сухого заходится кашля...

А о том...

Не проси — не расскажет
Человек с бухенвальдским значком.

Он огонь высекает молчком
И к нему припадает, прищурясь, —
Табакон свою память врачует
Человек с бухенвальдским значком.

Я спросил, любопытством влеком:
— Что-то ночью вы очень кричали...
— Извините, — ответил печально
Человек с бухенвальдским значком...

Он сошел на разъезде ночном
(Получилось прощание банальным...) —
Человечества
 совесть больная —
Человек с бухенвальдским значком.

* * *

Не справляясь об имени-отчестве,
Я бы каждому в бурный наш век
Пожелал бы:

— Чего тебе хочется —
Пусть то сбудется, мой человек!

Пожелал бы: немало ведь страшного
Человеческий пережил род.
Только прежде бы знать,
что у каждого
Добрый помысел в сердце живет.

* * *

Давайте на время забудемся,
Уйдем от забот налегке,
Как будто случайно заблудимся
В пронизанной светом тайге —

В пустой и прозрачной
по-зимнему,
Где все чудеса — до весны.
Давайте побудем разинями,
Которым проспекты тесны!

Гуляй, отрешен и беспечен,
Покуда желание есть
Покуда однажды навстречу
Навзрыд
не ударит оркестр —

И скорбно всплывет над рядами
Мелодия, мир заглуша,
И вздрогнет на голос рыданий
От боли внезапной душа.

О, жизнь! Осуди, но — помилуй!
(Скатилась слеза из-под век...)
На миг отлучился от мира —
И умер уже человек!

Предгрозые

Грозой разящею с небес
Пугала туча, словно мина,
Дурным предчувствием томимый,
Настороженно замер лес.

Он только нервно трепетал,
И птицы онемели в чашах.
Зато мирок существ
мельчайших
В тиши щемящей слышен стал:

Шуршит бесчисленная рать
Жильцов, бегущих в муравейник:
Торопятся — какое рвенье! —
Все выходы замуровать.

И как-то странно на реке
Вдруг стало четко различимо
Поскрипывание личинок,
Спешащих спрятаться в песке...

Вот-вот ударит гром из мглы
Стрелой предательства в доверье!..
Сосредоточены деревья,
Как орудийные стволы.

Лицом к лицу...

Вот он идет —
И шаг его тяжел,
И палочка стучит по тротуару...
Глазами провожу:
Какой он старый!..
А он вослед:
— Ты в гости бы зашел!

А он живет,
Давно уж одинок,
Среди вещей немодных и потертых.
Но как светло душе
В той комнатенке!
В той, где на стенке —
Именной клинок.

Он вспоминает —
И опять метель
Метет
Из февраля двадцать второго,
И пулемет,
Убийственно торопкий,
Выплевывает тысячи смертей.

И комиссар,
Наткнувшись на струю
Свинца слепого,
Падает, слабея...
И я опять, мальчишески робея,
Лицом к лицу
С гражданскойкою стою...

Я слушаю —
И как-то не могу
Себе представить —
Тщетные старанья!
Его, другого,
Под Июнь-Коранью,
Пред смертью и победой на снегу,

Когда он верит в то,
Что победит,
А жив ли будет —
Это неизвестно...
Но вот он, тот!
Как строго он и дерзко
Со старой фотографии глядит!

Но словно б это тишина сама
Откликнулась:
— Сынок... Его под Оршей...
И вновь пропахшей

 порохом
 порошей

Вернулась та,
Недальняя зима...

История тачает опыт свой
Не из воздушных, все-таки,
иллюзий...

Шагают
Ветераны революции,
Выстукивая чутко
Шар земной.

Баллада о петухе

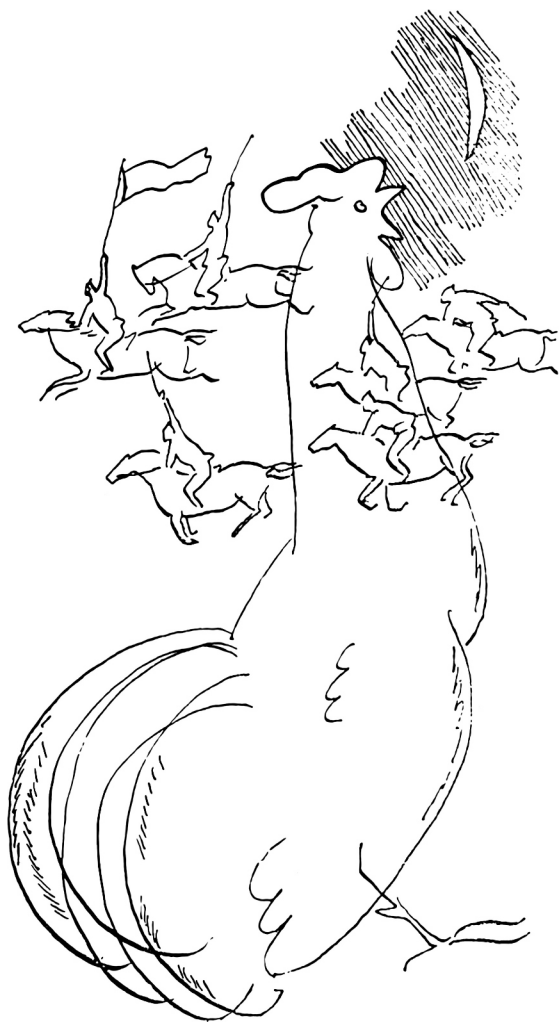
Умирал комиссар в ночи,
Ковыли кровеня, —
Офицерский «подарочек»
Он без крика принял.

Вон из звездного сонмища
Покатилась одна...
Жизнь, беспamięтно стонущий,
Допивал он до дна.

Не разыщут товарищи —
Не помочь, не помочь!
И над ним, умирающим,
Скорбно плакала ночь...

Он на миг только вынырнул,
Чтобы в смерть — как в реку:
По-над степью ковыльною
Плыло: — Ку-ка-ре-ку-у!

Горячо и просительно
Трепетал голосок,
Словно шаткий, спасительный
Под ногою мосток...

Офицерик удалистый,
Черный хлыстик в руках!
Как же

не догадались вы
Задушить петуха?!

Неужели не помните,
Как пугал он царей?
Как будил он средь полночи
Мужиков-бунтарей?

Как от крика надсадного
Всяк вставал, кто не глух,
И плясал над усадьбами
Он же, красный петух?

И крылами похлопывал —
Аж до неба зола!
Без него бы, похрапывая,
Вся б Расея спала.

Так иль нет — а не спит она,
И о том идет слух,
Что до сердца убитого
Докричался петух,

И до твердого берега
Через смерть проводил,
Чтоб тому офицеру,
Комиссар отплатил.

Какое веселье, бывало...

Какое веселье, бывало,
Певало под сенью лесов,
Когда к пристаням прибывало
Измотанных морем ловцов!

Гулянье — приятнее слуху
Словцо подобрать нелегко...
Уже наварил медовуху —
Рыбацкая теща — рыбкооп.

Ловцы в окружении свиты
С утра — под зеленую сень...
Заходятся птицы от свиста,
А моря не слышно совсем,

А моря не слышно, не видно,
Дай бог ему, черту, сгореть!
Ловецкие жены бесстыдны,
Да нам не пристало глазеть.

И кружкам, бунтующим мутно,
Легко в захмелевших руках,
Плывет разговор сухопутный,
Как солнышко в синь-облаках.

Но — словно бы волны у мола —
Шумит растревоженно бор,
И снова

вторгается море
В неспешный мужской разговор:

Того — где-то чуть не разбило
О скалы, у Бычьего лба,
Другого — так с палубы смыло!
Такая идет похвальба.

А бондарь, кривой и припухлый,
От зелья хмельного сердит,
— Без бочки-то рыба протухнет,
Протухнет! — упрямо твердит.

И кто-то, ручищи раскинув,
Уже задает храпака...
Ах, краток же праздник в путину,
И море зовет рыбака!

Оно колобродит опасно,
Призывно грохочет волной...
И слышится где-то:
— На-прасно
Старушка ждет сына домой...

Эхо

Осень травы сжигала в логах,
И дожди на цыплячьих ногах
По тайге кочевали...
Мы спешили в преддверье зимы:
Ровной просекой надвое мы
Глухомань рассекали.

Рассекать — это звон высекать
Из деревьев.

Это — гать пролагать
Через брюхо трясины.
Так идти напрямик день за днем...
И усталость

гвоздь за гвоздем
Забивала нам в спины.

Матерились: — На кой оно ляд!..
Перестукам и ругани в лад
Откликалась округа.
Ох, и звончатый гул в топорах!
Ох, и чуткое эхо в горах —
Словно отклики друга!

И казалось, что там, далеко,
Там, куда нам дойти нелегко,
Так же вот,

до испарины,
Нынче взяли тайгу в топоры
Неизвестные нам до поры,
Но по духу — напарники.

И казалось, гремит по стране
Перекличка рабочих парней,
Ей хребты — не помеха.

Знают это
стволы кедрача,
Да поселок лесной Синанча,
Да таежное эхо.

Болезнь

За что судьба карает
Нас щами с лебедой?!.
Я, маленький, хвораю
Куриной слепотой.

Еще едва ли куры
Уселись на насест,
А мне уж серо-бурым
Все кажется окрест,

Округа — будто в луже
Разворошили муть,
И незнакомый ужас
Закладывает грудь.

Рукой за что попало —
Скорее бы домой.
Быстрее под одеяло —
До света, с головой!

Отваривала травы,
Лечила сына мать...
Но,
от какой отравы,
Я не могу понять,

И в наш-то витаминный,
Неутомимый век
Болезнью той куриной
Страдает человек?

Вон тот, с лицом бисквитным —
Куда уж здоровяк!
А мир ему — бесцветен,
И все ему — «не так».

Не солнышко, а пятна
На солнышке видны.
Вгляжусь в него — понятно:
Глаза его — мутны...

Товарищ этот самый,
Услышь мои слова:
Лечись,
 покуда мама
Моя еще жива!

Мастер

Вкусил я рано сладость власти:
Вполне по чину, а не зря,
Меня высоким словом «мастер»
Титуловали слесаря.

Но старичок был — вид пророческий,
Хоть истин и не изрекал, —
Тот больше звал меня по отчеству,
Титуловать же избегал.

Всегда опрятный, как из бани,
Не примыкал он к большинству.
Он сам был мастер — не по званию,
А так сказать, по существу.

Он сквозь очки чертеж рассматривал,
Как будто библию читал,
И что-то было в нем от матери,
Когда он в руки брал деталь.

Не вкалывал!

А с уваженьем
Вдувал он душу в механизм —
И было каждое движение
Законченным, как афоризм,

Когда ж с высот образования
Впадал в начальственный я раж,
Просил он, ближе подзывая,
Смиренно эдак: «Ну, покажь...»

«Покажь!» — А что ему ответишь?!
И остается лишь признать,
Что зря порой в начальство метишь,
Не научившись «показать».

И в положении печальном,
Махнув рукою на смешки,
Я, числясь в табеле начальством,
Пошел к нему в ученики.

Что говорить, как был я счастлив,
Когда однажды от него
Услышал:

«Из тебя бы, мастер,
Напарник вышел — ничего...»

И с тем вернул тот старый слесарь
Меня обратно к естеству:
Не стало к власти интереса,
Вернулась тяга
к мастерству.

* * *

Андрею Пассару

Заводу родственник я близкий,
Не из каких-то «прилипал».
Но в этот раз к нему туристом
С нанайцем-другом я попал...

Заметил я, что друг-таежник,
К ружью привыкший и веслу,
С какой-то тягую тревожной
Приглядывался к ремеслу.

И, объяснениям внимая,
Он — словно был настороже,
Казалось, что-то вспоминает
Давно забытое уже.

Он — будто шел и у обрыва
Вдруг потерял свою тропу —
И растирает торопливо
Недоумение на лбу.

Тропа...

Как линия на белом,
В кромешной глубине времен

Она затоптана набегом
Чужих воинственных племен.

И тот жестокий враг повинен
В том, что навек уже погас
Огонь чжурчженьевских плавлен
И значит — тропка прервалась.

Опять народ в тайге промерзлой
Бродил, рыбачил, зверя бил
И все железные ремесла
Навеки вечные забыл...

Он над литейною оснасткой,
Мой друг, кумекал: что — к чему,
Хотел ее добром и лаской
Приблизить к сердцу своему.

В прищуре глаз его нелетних
Искрил, казалось, слабый ток,
Как бы из тьмы тысячелетней
Плавилен древних огонек.

И думал я: скажи на милость! —
Немало другом удивлен, —
Неужто же
 восстановилась
Утраченная связь времен?!

Сварщик

Он покурил, воды напился
И, утеревшись рукавом,
С волшебной палочкой склонился
Над металлическим листом.

И рыцарем перед сраженьем
Лицо забралом заслоня,
Одним магическим движеньем
Он смело вызвал дух огня,

И в миг, его послушны воле,
Как вспышке гения — века,
Сполохи синие вспороли
Железный сумрак потолка.

И там, средь балочных сплетений,
В их глубине глухонемой
Сцепились сумрачные тени
Со светом в схватке роковой.

А он, окутан дымным жаром,
Все так же голову склонял

И два листа, как две державы,
Вокруг огня объединял.

И весь — во власти вдохновенья,
Он глух был ко всему извне.
И прометеевскою тенью
Сам отражался на стене.

Вечная мерзлота

Все виделось мне неясно,
И, видимо, неспроста...
Я все же тебя боялся,
Вечная мерзлота!

Никак я не мог ручаться,
Что в заиндевелой глуши
Удастся мне
 достучаться
До стылой твоей души.

Но вот, разрешая споры,
Меня, сомненьям назло,
Встречают твои шахтеры
Оттаянно и светло,

Глазами сверкают встречно,
Как вновь обнаженный пласт...
А если бы
 не сердечность —
Разве земля отдаст,
Глубь размыкая жертвенно,
Жаркую душу пород?!

Мне это открылось
в женщине,
Вскапывающей огород:

Так землю она долбила —
Как будто хотела сказать:
— Зачем ты, земля, забыла,
Что тоже
должна
рожать?

Я это открыл среди гула
Прощаний и встреч,
когда
Дарила цветы багула
Мне
вечная мерзлота.

Директор

Давай с тобой, директор, посидим —
Ведь и на море даже

штиль нисходит,

И выясним при эдакой погоде,
Как ты сумел дожить здесь до седин.

А здесь вдоль бухты — скрыть бы их давно!
Домишки, словно порченые зубы,
И новая дыра на крыше клуба,
И на афише — старое кино...

А здесь — тревогам по ночам будить
За сейнер, в шторм едва ли не погибший.
Здесь — телефон, от ругани охрипший,
И помыкают сто забот, как рикшей...

Ах, как нетрудно хаять и судить!

О чем она?.. Послушаем жену:
— Уехать бы...

Чего-то все боится...

А ты свое:

— Не сдали вот больницу...

С вином мешаешь новую вину.

А с крыши капли падают, звеня,
Как будто время медленно стекает.
Дождь перестал, и шторм уже стихает,
И сейнер дожидается меня...

Уеду — не забуду ничего!
Запомню речи крепкого посла,
И на краю материка поселок,
Что в самом центре
сердца твоего.

Шарики

Блестит на груди залива
Цепочка стеклянных шариков,
Под ними — тяжелый невод,
Хоть шарик тот с виду мал.
Гляжу я на них — и думаю
Совсем не о рыбе жареной,
Я думаю

о стеклодуве,
Что шарики выдувал.

В его ремесле невежда,
Я очень все упрощаю
И, если ждете открытий,
Прошу: не волнуйтесь зря.
Я

производство шарика
В принципе не отличаю,
Ну, скажем,
от производства
Мыльного пузыря.

Я так представляю:
где-то
Громадится печью доменной

Что-то, подобное мыльнице,
И мастер, сутуловат,
Во рту зажимает нечто,
Похожее на соломинку, —
И вот уже начинает
Шарики выдувать.

Стекло пузырится радужно,
И мастер доволен делом!
Однако

берет усталость
И лоб у него — в поту.
Но это не удивительно:
Я знал одного — потел он
На этих самых,
на мыльных
Не меньше, чем стеклодув.

Он тоже работал истово,
В том видя и долг, и счастье,
И выдавал посменно
Продукцию — хоть куда!
Теперь посудите сами:
Ну разве виновен мастер,
Если
на мыльной пене
Не держатся невода?..

Мерная миля

У пирса стальная громада
В авральном разгаре работ.
Уже судовая команда
Хозяйски вступила на борт,

Уже уступает малярной
Монтажная наша страда.
В предчувствии спора с морями
Вибрируют нервно борта.

Но хмур
наш ответственный сдатчик
С глазами суровой бойниц,
И радостям он не потатчик
Иных безответственных лиц:

Всем милям, что с боем и с миром
По жизни корабль пройдет,
Предшествует
«мерная миля»,
И завтра — той мили черед.

Отрезок, означенный четко,
Что можешь — тут вынь да положи.

Тут ограничения — к черту!
Тут полную мощность даешь!

На полную!
 Дрожь переборок,
Упруго рванется корабль,
И стрелкам бесстрастных приборов
Оправдывать нас и карать...

Пока же восторгам умильным
Еще не приспела пора:
Не пройдена
 «мерная миля»,
Не мерены килем моря.

Механик

*Капитану I ранга
Я. П. Сурнину*

Когда сбивают поршни споро
Густое масло день и ночь,
И он не прочь за разговором
Водицу в ступе потолочь.

На палубе, на жесткой банке,
Плечами дружескими сжат,
Травить механик станет байки
Для устрашенья салажат.

Но — смолкнет он на полдороге,
Когда, веселью вопреки,
Вдруг
 дуновение тревоги
В глазах задует огоньки,

И враз — прорежутся морщины
И отрешенным станет взгляд.
«Механик слушает машину», —
Кому-то тихо пояснят.

Механик слушает машину —
Как бы ступая по следам,
Тяжелых звуков мешанину
Он разбирает по складам:

В ее звучании привычном,
Как бы ни пряталась беда,
Он различит

косноязычье

Вдруг ослабевшего болта.

Машину слушает механик...
Так, каждый миг настороже,
Не дремлет и не отдыхает
Обеспокоенность в душе.

Еще потряхнет он анекдотцем,
Всю палубу развеселя!
Но дайте выслушать,

как бьется

Большое сердце корабля.

Бухта Светлая

Толе

Прощай же, бухта Светлая!
Приют недавний мой,
И ты, едва заметная,
Осталась за кормой.

Уже, как зайчик солнечный,
Видна твоя вода...
Но — звездочкой над совестью
Светить тебе всегда!

Я не искал тут Мекку,
Согбенный от грехов,
Я ехал к человеку,
Поскольку — сам таков.

Я не искал подачек,
Ушицы повкусней.
Я стать хотел богаче
На несколько друзей,

Чтоб были мне — как палуба,
Как чайке — два крыла.

Спасибо тебе, малая,
Что много мне дала...

Спасибо, что ты — гордая!
Как говорил мне друг:
«Хоть и не вышла мордою —
Не выпущу из рук!»

Он грубовато шпарил,
Любимец пристаней:
«Я жил в Москве бы, парень,
Да моря нету в ней —

Такого, чтобы — с ветром
И кругом голова!...»

Спасибо, ваша светлость,
За светлые слова.

Прощай! Что надо — вывез,
Мы люди-то свои...
Одежкой на вырост
Дарения твои.

День

В реку молодая осока
Слезинки прольет янтаря,
Когда из-за сопок с востока
Горячая хлынет заря —

Как будто кузнец спозаранок
Раздул свой невиданный горн,
И солнце из кипени радуг
Взойдет над изломами гор.

И вот уже — пенный и синий —
Волною покатится День —
Огромную землю Россию
Взбурлит до глухих деревень.

И терпко пропахнув сиренью
И по́том великой страны,
Он выплеснет в холод Вселенной
Дыхание жаркой страды!

И где-то за горными гривами
День канет в пучину веков,
Оставив намытыми рифами
Фундаменты городов...

Бражное

Будь славен, пасечник!

Вовек

Такого не вкушали блага!
Зело добротна твоя брага
И сам ты — добрый человек.

Ее так щедро до краев
Ты разливаешь по стаканам —
И мы все глубже постигаем
Хмельное таинство ее.

Не зря на человека впрок
Бессменно трудится природа,
Распределяя бочку меда
По малой капле на цветок.

Не зря по капельке к столу
Пчела собирает мед толково:
Ведь в браге мед — первооснова...
Так выпьем, что ли, за пчелу!

Ты с горьким хмелем мед смешал,
Как если б с радостью — лишенья.

Каким
от странного смешенья
Весельем полнится душа!

А что нам до медовых рек!
В них только радости, что — сладость.
А сладость-то — не наша слабость...
Спасибо, мудрый человек!

Есть город такой...

Есть город такой на востоке
От шума столиц вдалеке.
Там улицы, словно протоки,
Сбегают к широкой реке.

Он, словно на счастье подкова,
Навечно к Амуру прибит...
Пусть скажут:

— Ну что в нем такого,
За что его можно любить?

Но, сколько б я ни жил где-либо, —
Скажу вам, друзья, не солгу —
Я, словно амурская рыба,
Прижиться нигде не могу!

Есть город, быть может, и краше,
Земля, где поярче цветы,
Но где еще больше, чем в нашем,
Не терпят пустой суеты!

Живется спокойно и жарко —
Так солнце восходит в зенит,

Взгляните — и вас в горожанках
Амурская плавность пленит.

Мой город теплом не изнежен,
Здесь ветер бывает жесток,
Но тем мне и дорог подснежник —
Упрямый и нежный цветок!

И если с открытой душою
Приходит к нему человек —
Ответит он дружбой большою
И ей не изменит вовек!

Встреча

Город славно проветрен —
Словно сдуло людей.
Город так неприветлив —
Видно, не до гостей.

Это — так и положено:
Что кривить-то душой,
Если гости непрошены...
Только я — не чужой.

Здесь, в голодную пору,
Что хоть криком кричи,
Не жалел меня город,
А работать учил.

Через тяжесть и стужу
Открывалась мне даль...

Может, чем-то стал хуже...
Ты хоть голос подай!

Словно б это услышав,
Всколыхнул облака
И прошелся по крышам
Первый выдох гудка.

И раскатисто громок,
Он повел без конца
Так знакомо-знакомо,
Будто голос отца.

И слышалось:

«Смена

Началась... Извини...

Ты ведь знаешь — в мартенах

Не потушишь огни!

Я слежу за тобою,

Не забыл о родне...

Хорошо, что с любовью

Ты приходишь ко мне!»

Был, как отблеск рассвета

По лицу площадей,

Этот голос привета

Дорогих мне людей...

Камчатский рязанец

В тот день, когда к небу воздела
Косматые крылья пурга,
Мне выпало душу и тело
Согреть у его очага...

И вспомнил мой друг, между прочим, —
Хозяйка платочек к глазам, —
Такую далекую очень
И милую сердцу Рязань,

Где смотрится в тихую Тру́беж,
Собою любуюсь, собор.
— Уедешь, да вот не отрубишь, —
Он грустно свернул разговор.

К сердцам прикоснулась остуда,
Хозяева стихли мои...
На яблоки я им: — Оттуда?
— Да нет, — встрепенулись, — свои...

Замечу, среди прочей закуски
(А мы понимаем в ней толк!)
Венчали, душисты и хрустки,
Те яблоки дружеский стол.

Их огненно южный румянец
Был очень уж красноречив...
Свои... Заливаешь, рязанец!
Быть может, взрастил на печи?..

А он мне: — Поверишь ли, с нею
Мы жили тут, словно в бреду:
Такая тоска,
 что во сне я
Все яблони видел в цвету.

И думал: не выдержу, струшу,
Коль дамся себя застращать!
И стал я
 рязанскую душу
К камчатской земле приучать.

Нашлись же и добрые люди:
Советуют, саженцы шлют...
Ну, всякое было — на блюде,
Известно, они не растут...

А яблоки заревом вешним
Светили нам в центре стола...
Желаю, рязанец, чтоб вечно
Рязань
 в твоём сердце жила!

Тоскуй по ней, где бы ты ни был,
Коль яблони с этой тоски
Пускают под северным небом
Совсем по-рязански
 ростки.

* * *

Уснули в бревенчатом доме
Усталые плотовщики —
Всю ночь не отнять от ладони
Сухой прикипевшей щеки.

Во сне уподобившись маленьким,
Губами смешно шевелят...
А день был
 до чертиков маятный,
Умаяла сплотка ребят.

Но весело было, хоть жарко!
Потом, затевая игру,
Девчата сказали:
 — А жалко,
Что вам уезжать поутру...

Остаться бы в Чильбе, во власти
Работы, реки и девчат,
Чтоб с девичьей легкостью мастер
Меня ремеслу обучал,

Как раньше родитель упорный,
Жалея и тут же кляня,

Владеть топором
нетопорно

Учил недотепу — меня...

Уеду
по старому следу,
Пора мне, девчата, пора.
Из юности будто уеду,
Где властвовал культ топора,

Что, искре подобно запавшей,
Таится в душе до поры,
Быть может,
готовностью нашей —
Коль надо! — принять топоры...

В распадок Татарским проливом
Вползает туман невесом.
Как будто бы в реку с обрыва,
Срываюсь
и плюхаюсь в сон.

Уже утопая бесследно,
Еще, не сдаваясь, держусь.
За мысль,
что, конечно, — уеду
И что — непременно! — вернусь...

Багульник

Памяти Степана Смолякова

1

Я жду весну.

Она свое возьмет —

И, вьюгами освищенный огульно,
Встряхнется и потянется багульник,
И кулачки тугие разожмет.

Меж липких пальцев, смелость обрета,
Цветок пробьется, розоватый иссиня,
Всей слабостью своей вызывая к истине:
Пусть торжествует в мире доброта!

2

По белому — проталины небрежно,
И повлажнела старая ветла...
Весну я призываю,

будто снежность,

Само собою, есть синоним зла.

Снег — это ж замороженная нежность,
Которой так не достает тепла!

Тепла — чтоб стать, чем есть:

живой водою.

Она напоит землю — и в ответ

Земля вздохнет всей грудью молодою

И выдохнет подснежники на свет!

Ребенок срежет первую свистульку,

Забродит сок в багульнике быстрее...

Весна уже — и солнце, как в сосульках,

Блестит в глазенках дочери моей.

3

Я, окунувшись в утро, не пойму:

На свете что-то важное случилось,

К хорошему все как-то изменилось...

И ахнул: сопки в розовом дыму!

Зарю ли пролил на землю восток?

Иль в этом мире, спящем неудобно,

Нашелся некто, радостный и добрый,

И от зари светильники возжег?

Светильники — без края и конца!

Как вечные огни в зеленых чашах —

Всем, за добро замученным и павшим...

И на могиле моего отца.

4

Расцвел багульник, бледнолик и скромн,

И на могиле моего отца.

Сруб ставил мой отец — да так и помер,

Не уложив последнего венца.

Топор дрожал, в бревно на палец всажен,
Хозяина с обеда ожидал...
Он не отмечен в подвигах отважных,
Хоть топором добро он утверждал.

Не топором — чтоб кровь на острие,
А топором — чтоб избы на земле!

Изба... Мой дом... Над детской колыбелью
Любимая — дыханье затая.
А за окном, куда ни поглядел бы —
На все четыре — Родина моя!

Не даром же родитель ставил избы
По всей округе, щедро и любя:
Коль нет избы, то значит — нет Отчизны.
А нет Отчизны — значит, нет тебя.

5

Смешно: я дому в верности клянусь,
Как будто потерять его боюсь, —
На шею камень — кануть в мир бездонный.
Как будто мало на земле бездомных...
А может, вправду — потерять боюсь?

Бездомным был.

Бездумностью ведом,
Суденышком бродяжил беспечально.
Понадобилось все-таки причалить...
Нет, должен быть у человека дом!

Пока я в мире яростно кружусь —
И плачу там, и радуюсь пока там —

Горит окно — встревоженный локатор:
Не затеряюсь и не заблужусь.
Земля-планета!

Дорога ты мне
Тем, что на свете есть моя Россия.
Тем, что в России — звездочкой-
росинкой —
Есть этот дом и свет в моем окне!

6

...Отец, избы не подведя под крышу,
Ушел, устало вымолвив: «Пора...»
Остался сын — и, если не подкидыш,
То ржавчина не тронет топора!

Как терпко пахнет и щемяще хвойно
В день памяти вечнозеленый куст!
Как жизнь сама,
в которой — труд и войны,
И все-таки счастливая на вкус.

Имба

Там русский дух... Там русью пахнет!

А. Пушкин

От пристани Маго,
 проворен,
Легко отвалил катерок,
Печально вдали семафорит
Знакомой избы огонек...

Имба, до свиданья.
 Простимся.
Спасибо, что был я — родной,
И просто — за очень российский
Целительный дух избяной!

Спасибо за добрый — из печки
К столу — духовитый пирог,
Что так привечаешь извечно
С добром преступивших порог,

Что гостя, сердечно утешив,
На свой ты не меришь аршин.
Спасибо тебе за вспотевший
От холода
 бражный кувшин!

Мне жить веселее и лучше
С той мыслью, что в бедах любых
Ты верно стоишь у излучин
Не очень-то ровной судьбы...

Задумчиво тих, как преданье,
За нами морщинится плес...
Прощай,
 а верней — до свиданья,
Тяжелый битюг-лесовоз!

Он лес принимает — натужно
Дрожит грузовая стрела.
Тот лес заготовила «Дружба» —
Отличная бензопила!

И все объяснили отлично:
Что, дескать, валюта стране...
Но что там замшелый язычник
Угрюмо бормочет во мне?

Не станет ли там, за морями,
Пособником зла и беды
Мой лес,
 из которого — храмы
Российской святой доброты?..

Перед заутреней

Заря угрюмых стен собора
Коснулась, благостно светла,
Боярской шапкою собольей.
Засеребрились купола,

И осиянно, благолепно
Кресты тянулись к небесам,
И в потайную дверь к молебну
Прошел архиепископ сам.

Всяк к богу со своей нуждишкой,
Шел люд к молитве, не строптив...
Какой-то тихий мужичишка
Стоял собора супротив.

Он, взглядом меря колокольную.
Застыл, шапчонку теребя.
Какою думой в час покойный
Терзал он
 темного себя?

О чем он думал, встав поодаль, —
И богу то не разгадать.

Про разорительную подать?
Или про божью благодать?

О том ли, что с такой-то кручи —
Уж тут была иль не была! —
Вельми испробовать сподручно
Утайно сделаны крыла...

Я — житель города...

Я — житель города — и этим
Себя отнюдь не возношу.
Его привычкам и приметам
Я весь, как есть, принадлежу.

В скрещенье всех культурных линий
И я, хоть часто не попад,
Толкую веско про Феллини
Иль про какой-нибудь «поп-арт».

И театральную программку
Люблю меж делом полистать
С мечтой:
 попасть бы на Таганку,
Где драма — времени под стать.

И не гнетет многоязычье,
Не оскорбит чужая речь...
Мне это все уже привычно,
Как утром — встать и ночью — лечь.

Но вот однажды черной тенью
Сквозь городской круговорот
Вдруг ощущение потери
В меня непрошенно войдет:

Здоров — но словно обессилел,
И все — не любо и не впрок.
И тянет,
 тянет в глубь России,
Как путника на огонек!

Куда едва доходит почта,
Плутая сутками в снегах,
Где все на той
 исконной почве,
Что забываем в городах.

В те неисхоженные веси,
Где непригоже слово «твист»,
Где склад и лад народных песен,
Как голос жаворонка, чист...

И все свинцовой это бремя,
Слабей связующая нить.
Быть может,
 наступило время
То чувство в сердце обновить,

Что в этом шуме, треске, блеске,
В интер-
 национальный век
Я — до глубин души советский —
Есть также русский человек?

Как будто что-то мной потеряно
От изначальности,
 когда
И все изделия — из дерева,
И из колодца — вся вода...

Был час обеда...

Был час обеда — и на бревнах,
Сойдя на грешную с высот,
Расположился с харчем скромным
Почтенный плотницкий народ.

Народ был занят насыщеньем,
Мешать при этом — не резон,
А тут из треста просвещения
Был я к народу привезен.

Читал стихи я с упоеньем,
То приземлялся, то витал!
Народ же
 не в стихотворенье,
А в пищу более вникал.

Сквозь стих посмеивались ложки,
Недобро звякали ножи,
Как над заведомою ложью,
Хоть что им дальше ни скажи...

Но вот случайно я заметил,
Утратив было интерес:
Один — как будто бы замедлил
Однообразный свой процесс.

Меня буравил он глазами,
Немолод, клином борода.
И вдруг неловко как-то
 замер,
Не донеся кусок до рта.

И я — как ото сна очнулся,
Почувяв в сердце перебой,
Не потянулся,
 а рванулся
К нему навстречу всем собой!

Казалось, что бы в том такого?
Но пусть на миг один всего,
А человеку стало слово
Дороже хлеба самого!

И ветер тихого забвенья
Тому мгновенью нипочем:
Проходят годы,
 а мгновенье
Все светит где-то над плечом...

* * *

В поэзию
Пошел «новатор» густо.
Что ни строка —
Все ново, все — впервой.
Но почему-то, седовласый,
Грустно
Покачивает мастер головой.

Он шел всю жизнь
Крестьянином за плугом,
За ним еще парится борозда.
Они ж, играя, мчатся
Росным лугом:
Роса спадет
И в травах — ни следа...

* * *

Г. Г.

О модной прозе и верлибре —
Те споры хуже белены!..
Ружье — двенадцатый калибр —
Он молча снимет со стены.

И что ему теперь запечный
Вокруг имен ажиотаж!
Он собирает груз заплечный
И набивает патронташ.

И — канет в темени Хехцира,
Чтоб — ни привета, ни вестей,
В тайге,
 не тронутой бациллой
Цивилизованных страстей.

И никакой он не прозаик,
Он сам читает снежный лист.
Он хочет знать,
 что пишет заяц —
Вполне классический стилист,

И слушать утром сокровенным,
Как дятел где-то зачастил.
(Вот самый ультра-
современный
И вправду — телеграфный стиль!)

По свежей тропочке кабаньей
Свою удачу догонять,
В избе, натопленной, как баня,
По стопке с егерем принять...

Он все патроны расстреляет
Не из пустого озорства,
Он все каноны растеряет
До обнаженья естества.

И вот
 поземкой пред пургою
Шуршит бумага. Свет горит...
Он сотворит сейчас такое!..
Он никого не повторит.

ЛИСТОПАД

Время

По молодости
Время — это ветер —
Как бьются за спиною два крыла!
Уединись —
Сорвет он двери с петель
И унесет,
В чем мама родила!

И кажешься себе ты
Исполином,
А мир —
Он будто только нарожден...
Я ощущаю время —
Словно глину,
Раскисшую под проливным дождем...

* * *

Что-то в сутолоке дней
Муторно живется,
Будто стал я вдруг бедней,
Степью без колодца.

Я угрюмо побреду,
Никому не дорог.
Знаю, есть он — я найду —
Средь степи пригорок...

Поклонюсь — глава на грудь —
И селу, и граду,
Попрошу чего-нибудь —
Много ли мне надо.

Напой меня, весна,
Тем, чем поишь почки,
Чтоб душа была ясна,
Как глаза у дочки.

Лето страдное, прожги
До костей, до крови,
Чтобы стужам вопреки
Солнце жило в слове!

Дай мне, осень, в свете дня
Горечи-печали,
Чтобы в сердце у меня
Журавли кричали.

Напой меня, зима,
Снеговой синью.
Одари меня, жена,
Сыном...

* * *

Что я знаю?

Что я значу?

Не сказал каких я слов?..

Ждал я малую удачу,

Неудачник-птицелов.

И бывало, что — не спится,

И бывало, горевал:

Неужели ту синицу

Ястреб в поле заклевал?

Проклиная невезенье,

Все искал ее вдали.

И курлыкали с презреньем

Надо мною журавли...

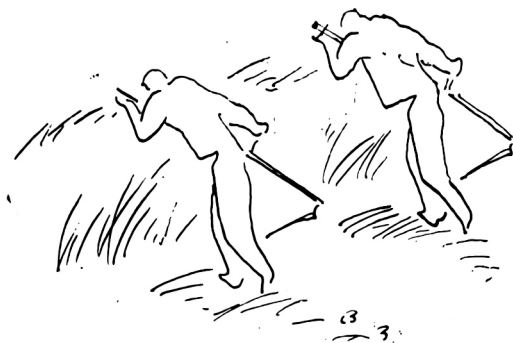
* * *

Не покоя хочу,
Но — спокойствия,
Не пристало вприпрыжку бежать.
Словно в пору вступил
В сенокосную —
Научиться бы косу держать!

Чтоб косилось легко,
Недокучливо,
За прокосом прокос
По росе.
Чтобы строчкою
Травы пахучие...

Ах, как косят у нас по Руси!

Если жидок в кости —
С тебя проку нет,
Не годишься напарником в ряд.
И ныряет коса
Рыбой-окунем,
И рубахи на спинах парят...

Так идти б неторопко,
Но — споро,
До полудня,
А после — до звезд...
И —
Какие уж тут разговоры.
Если время пришло —
Сенокос!

* * *

Я наблюдал, как в чистом небе,
Из разворота в разворот,
Песцом
 по голубому снегу
Метался дикий самолет.

Он рвался в высь, бросался в штопор
И снова круто вверх взмывал.
Он белой нитью небо штопал...
«Безумец!» — я ему шептал.

И вдруг до боли ощутимо
Представил:
 пламя на крыле!
И вот уже неотвратимо
Его к земле,
 к земле,
 к земле!...

Пилот! Готовься быть отпетым!
На что надежда? Как понять?..

Но он-то чувствует вот эту —
Как руку друга — рукоять.

Она и есть, и нету будто,
Но лишь один нажим всего —
И в миг из гроба катапульта
Живого
 выбросит его!
И парашют, легко качая,
Его опустит на траву.
И все.
 И — начинай сначала!

...Ау, друзья мои, ау-у-у!..

* * *

Стою я, защищен стеклом
От уличного гула...
Вон
С поднятым воротником
Согбенная фигура.
Он что для вас?
Так, ничего —
Или, вернее, «некто».
Но я-то выделил его,
Как цвет один
Из спектра.
Он был здесь.
Выслушать пришлось,
Не помню, в чем он клялся...
По снегу белому
Мой гость
Ползет
Чернильной кляксой...

Друзья

Э. Смирнову

Когда мне плохо, я не понуждаю
И не прошу судьбу благоволить.
А я лицо
 в ладони погружаю —
С друзьями начинаю говорить.

«С самим собою говорить — как глупо!» —
Наверно, рассмеется ротозей.
Мои ладони сложены,
 как рупор,
И донесут мой голос до друзей!

Друзья мои рассеяны по свету:
И строят, и штурмуют небеса...
Но надо только развернуть газету,
Чтобы друзей услышать голоса,

И ощутить вдруг: как они устали!
В мозолях — руки, капельками — пот...
И стыдно мне.

И больше я не стану
Их отвлекать от мировых забот.

И вот бросаю... Что?

Скулить бросаю.

И легче жить, и думать веселей!

Меня всегда спасало и спасает

Незримое присутствие друзей.

* * *

Жизнь щедра на людей хороших
Или я везуч? Не скажу.
Но куда б я ни был заброшен,
Непременно их нахожу.

Или бедствую,
или странствую —
Всюду чувствую локоть их.
Мне они,
как добрые станции
На дорогах моих крутых,

Где свободно, легко и песенно;
С новым другом присядь в тиши
И бреди
разговором-лесенкой
Этажами чужой души.

И все больше
света и воздуха
С каждым пройденным этажом.

Истекают минуты роздыха,
Отправленья час предрешен.
До свиданья!

На белом свете
Стало больше дружеских плеч.
Обернется разлуки ветер
Добрым вестником
новых встреч.

* * *

Делит поезд расстоянья
На свиданья,
 расставанья,
На прибытие и отъезд.
Вот сойти б
 на Абакуре
Да в тиши для перекура
На валежину присесть...
Там спокойно и просторно,
Тишину в отрогах горных
Ели строго стерегут.
Спят,
 проникнувшись доверьем,
Незлопамятные звери
В незапятнанном снегу.
Спят немеченые кедры,
И небуженые ветры
Обрели в тайге покой.
Неиспытый,
 крепкий воздух
И нечислительные звезды
Над нехоженой тайгой.
Если в час великих таинств,
Скрыть плохое не пытаюсь,

Без двусмысленных затей
Ей поведать
 об утратах,
О душевных неполадках
И невзятой высоте, —
Честь по чести,
 все, как надо, —
Одарит тайга наградой,
В откровенье не скупа:
Чистотой своей напоит,
Сердце
 мужеством наполнит,
Чтоб в бою не отступал!
Делит поезд расстоянья
На свиданья,
 расставанья,
На прибытие и отъезд...
Вот сойти б
 на Абакуре
Да в тиши для перекура
На валежину присесть!

Море

Все море
запорошено
Слюдой толченой...
О чем бормочет мне оно
Так учащенно?

Понятнейший из языков
Смех белозубый!
В нем — шелест рыбьих косяков,
Скользящих в глуби,

И шум бунтующих винтов
Судов спешащих,
И затихающих ветров
Порыв тишайший,

И крыл бакланьих сильный взмах,
Их посвист ближний...
Выносит море на губах
Все звуки жизни.

Шуршит слепящая слюда —
То смех, то пенье...
Но — оставляют вдруг суда
Причал забвенья!

В соленой памяти моей
Их якорь поднят...
Имен погибших кораблей
Моря не помнят.

В стихии этой штормовой
Суда — песчинки.
А море...

Морю не впервой
Творить бесчинства.

И не смутить его бедой,
Их было вдоволь.
И только чайки
над водой
Кричат по-вдовьи...

* * *

Я чувствую и трепет, и испуг —
Так океан пронзительно спокоен,
Как скорбный дом, опустошенный вдруг,
Когда за двери вынесен покойник.

**Большой корабль стремится куда-то бег
И медленно все тает, тает, тает...
Как будто бы
 великий человек
Мучительно и долго умирает.**

Весь мир от боли тих и напряжен...
Но стоит ли со смертью примиряться?
Он — жив!
Его скрывает горизонт.
И надо выше самому подняться...

* * *

Когда, до немоты бесчувствен,
Залив намаянно уснет,
Добытчикам морской капусты
Работать время настает.

Подбрасывая кайзы* ловко,
В работе трезвые вполне,
Они спеша спускают лодки
Навстречу медленной волне...

Различным подвижны резонансом,
Добытчики — народ сезонный:
Есть инженеры и врачи,
И просто — «граждане бичи».

Кому-то стала жизнь постылой,
По всем статьям нехороша —
И этот здесь,
 чтоб поостыла
Ожесточенная душа...

А солнце — лодочкой на зыби,
И видно — по-над самым дном

* К а й з а — длинный шест-рогатина, которым пользуются при добыче морской капусты.

В зеленой глуби бродят рыбы,
Как будто лошади в ночном.

Добытчик кайзою рогатой
Все шарит по морскому дну —
Как будто роется в загадках,
У долгой памяти в плену.

И ленты влажных ламинарий,
Всплывающие на шесте, —
Как плод его воспоминаний
В зеленочистом естестве...

Качает лодочку, качает,
И зыбь закатная крепчает,
И даль ясна — не замутить.
И все желание крепчает
Ногою землю ощутить...

Залив Опричник

Когда в предветрие заря
Ложится на залив Опричник —
Впрямь что-то есть в его обличье
От стража грозного царя...

Как бы под кожей желваки,
Он перекачивает волны...
Междоусобицы и войны
Готовят тайные враги.

К расправам лютым и боям
Пребудет страж всегда готовым —
Ведь ничего,
 опричь худого
Не ждет опричник от бояр...

Залив, я здесь. Я не забыл,
Жестокости твоей свидетель,
Как ты однажды на рассвете
О скалы сейнерок разбил.

За что? Ответствуй!
 В бурной мгле
Искал защиты он, увечный!..

Не отвечает
со зловещей
Ухмылкой на крутом челе.

Он так живет — не укрощен,
Без угрызений и боязни...
С былым
какой-то смутной связью
Я до глубины души смущен...

Сквозь сон до первых петухов
Залива слышать буду вздохи,
Как бы дыхание эпохи,
Придавленной пластом веков...

В гостях у Рублева

Был мир первозданно распахнут,
И солнце купалось в пруду,
Крестьянами в новых рубахах
Белели соборы в кругу.

И служки, что там обитали,
Гуляли, довольны собой,
Старушки с поджатыми ртами
Шли в Троицкий славный собор.

Там попик, дрожа тенорочком,
За что-то народы прощал,
И грешные плыли цепочкой,
Спеша приложиться к мощам.

Звучал торжествующе строен
Церковный двусмысленный стих...
Каким-то глухим непокоем
Туманились очи святых.

Святой вот — а словно бы ратный,
Защитник Расеюшки всей.

Остров Буян

Детство занято —
детство дудочки
Вырезает из тростника.
Ну, а что ожидает в будущем —
Все известно наверняка!

Я гляжу туда вызывающе,
Не болеть мне там, не стареть,
Буду жить себе припеваючи
Да вот дудочки мастерить:
Для счастливых — за «что положат»,
Бедолагам — «за так» отдам...

— Мама! Мама! По пальцу — ножик,
Половица в крови... Беда!

Мама слышит — лекарство загодя
Приготовил мой верный врач:
Мама знает старинный заговор:
«Ты не плачь, — говорит, — не плачь...

На море на океяне,
На острове Буяне
Лежит бел плат.

На том белом плате
Сидят три красные девицы —
Шьют-пошивают
Разными шелками:
Одна — от укуса,
Другая — от пореза,
Третья — от дурного.
Нитка рвись —
Кровь заговорись.
На море на океяне...»

Плавно, медленно,
 будто мельница
Воду плицами ворошит...
Ой, спасибо вам, красны девицы!
Кровь не капает — плат расшит.

И опять мастерить да ладить
От зари могу до зари.
Где вы бродите, бедолаги?!
Я вам дудочки смастерил!

Заиграете в них — и берег
Вас отпустит за океан,
Где пронзительно голубеет —
Свой для каждого — остров Буян.

Тот,
 не найденный магелланами,
Недоступный для каравелл,
Добрый остров,
 открытый мамами
Во спасение сыновей.

Научи меня, лес опаленный...

Так всегда и бывает.

Но все же...

Скоро листья в лесу опадут,
Неспроста ведь гусиною кожей
Этим утром подернулся пруд...

Научи меня, лес опаленный:

Почему же, склоняя главу,

Не завидует

вечнозеленым

Березняк, растерявший листву?

Может быть,

отвергающий зависть,

Он хотел бы уверить теперь

В том, что право на светлую завязь

Невозможно без горьких потерь?..

Он потери в апреле оплачет

Сладким соком на белой щеке...

Вон бежит по-над берегом мальчик,

Тонкий прутик зажав в кулачке,

И трепещет в слепом озаренье
Желтый листик на прутике том.
Вопросительный знак
в оперенье
Проплывает озябшим прудом...

Ненастье

Смыт горизонт, и солнца нет давно,
И мелко сеет дождик морозящий —
Он, словно подаяние просящий,
Скребется в листьях,
просится в окно.

Погодка — в пору б умереть с тоски,
Не будь бы мне доподлинно известно,
Что там, в лесу продрогшем,
повсеместно
Грибы сейчас привстали на носки.

И вот бредут, ножонки оголив,
Промокшим лесом, нахлобучив шляпки.
Их — хлебом не корми,
а дай пошляться,
Беспечным детям матери-земли.

Кузнечик

Речка в даль катила воду,
Немотой поражена,
С облаков на всю природу
Нисходила тишина.

Ни дыханья, ни шуршанья,
И, сознательно тихи,
Не ворочали ушами
Над рекою лопухи.

Лишь по-прежнему беспечен,
Оттого, что слишком мал,
Непонятливый кузнечик
Что-то тонкое ковал.

Я нашел его по звуку,
И, чтоб воду не мутил,
Протянул к нему я руку
И ладошкою накрыл.

В кулаке кузнечик замер —
Словно б это, не видна,
Меж какими-то колками
Разом лопнула струна.

И, добившись абсолюта,
Я почувствовал тогда:
Стало в мире неуютно,
Словно близится беда,

Стало тошно мне и дико,
Хоть кричи средь бела дня.
Если просто было тихо —
Глухо стало вокруг меня.

Словно б тот порядок вечен,
Чтоб и в полной тишине
Непременно
 жил кузнечик,
Словно солнце в вышине.

Река

Река в себе таила два загада,
Они теперь понятны стали мне.
Загад один:
 она была богата,
А то богатство — камушки на дне.

Очищенные бережно от тины,
Как от рутины, может быть, душа,
Они сверкали — зелены и сини —
Прожилками прерывисто дыша...

Река была мудра: хоть и ласкала
Раздаривать не торопилась клад.
По-своему его оберегала —
И в этом был другой ее загад.

Во глубине и ночью в ней и днём
Струею мощной били родники —
Как пламенем, её водою донной,
Ныряя, обжигались смельчаки.

И редко кто выныривал из глуби,
Чтоб камушек заветный в кулаке...

Зачем — не знал я, несмысленыш глупый, —
Хотелось клад свой уберечь реке.

Затем, что любопытен человек!
Казну ее давно б разворовали,
И помнили б о ней самой — едва ли:
Река течет...

Да мало ль в мире рек!

Бессонница

Додумать не хватило дня
(А было суетно и душно),
И сердце — сторож с колотушкой —
Сон отгоняет от меня.

Ну что ж.

Умаянному днем,
Я пожелаю сна соседу:
Пусть отдохнет. А я присяду,
В тиши подумаю о нем.

Он плакался передо мной:
Жена... Измена... Песня спета...
Дойду, быть может, до ответа
Как быть с неверною женой.

И женщина — рука на грудь —
Пусть припадет ко сну устами.
Та, чьи глаза просить устали:
«Такого не было... Забуди!»

Я эту женщину пойму,
Пойму нежданную измену —

Как всплеск на глади жизни бренной...
И на себя вину приму.

Пусть приплывет через порог
Больниц
 к мальчишкам парус синий,
Такой, каким он снился сыну.
(А сына я не уберег...)

Я постараюсь им в тиши
Придумать песенку с лукавством:
Что ни скажи,
 а все ж лекарство —
Пусть не для тела — для души...

Трясинно дышит мрак густой.
Алхимиком над панацеей
Сию в ночи,
 задавшись целью
Переболеть чужой бедой.

А утром вскинется к плите
Сосед — и нарочито грубо
Жене он скажет:
 «Ах, как глупо
Вчера поверил клевете!»

И встанет заспанно светла
Та женщина, что изменила,
И скажет ласково:
 «Мой милый,
Я все, что было, заспала!»

И вскрикнут дети поутру,
От удивленья замирая:
«Какая песенка чудная!» —
И примут песенку в игру.

И так прибавится людей
Вчерашним днем не омраченных.
По этой, может быть,
причине
И в мире станет посветлей?..

Осень

Нас каждым листиком он слушал,
Следя из-под мохнатых век,
И мы входили в лес — как в душу
В час откровенья человек.

А лес, заметно успокоясь,
Бруснику редкую дарил.
«Спасибо, — кланялись мы в пояс, —
Что нас ни в чем не укорил».

Брусника, ягода-отрада,
Кровинка алая на свет!
Она — как поздняя награда
За выслугу нелегких лет.

Я принимал ее, не важничал,
В согласье с тихим действием дня.
И женщина
 пугливой важенькой
Все уходила от меня.

То озираясь с опасеньем,
То вся — у мира на виду,

И вовсе даже не осенне
Срывала листья на ходу.

А где-то в таинстве еловом
И в простеньком березняке
Ручей творил святое слово
На древнерусском языке.

Текла легко, неприглушенно
Та речь, по-детски трепеща,
И слышалось в ней приглашенье
Испить из этого ручья...

Но иногда...

Мне разумом вполне понятна,
Жизнь,
Жестокая твоя необходимость
Рубить леса,
Стрелять упрямо живность...
Попробуй от такого откажись.
Но иногда...
Вот, исходя щепой,
Вдруг дерево подрубленное —
Наземь!
И сердце,
Криком подавляя разум,
Зовет прижаться к дереву щекой.
— Зачем его!
Пусть, души веселя,
Шумит листвою
Весенне и невнятно —
Его так страстно
Врачевали дятлы
И щедро так кормила
Мать-земля...
— Зачем ее! —
Когда, ударив влет,
Слепой свинец окрасит кровью перья:

Ей так светло
В высоком небе
Пелось...
И где-то птенчик тепленький
Живет!
Судить меня за слабость
Обожди —
Ты слышишь, жизнь!
Душа покуда в теле,
Дано нам помнить
Горькие потери,
Что, видит бог, меня
Не обошли.

Пик Черского

Как здорово,
Что все же я решил,
Не поддаваясь льстивым уговорам,
От всех и вся
Податься утром в горы,
В здоровое содружество вершин!

Как дышится легко
На высоте!
А при подъеме мучила одышка —
Вот верный признак, что порою
Слишком
Нетрудно жил в низинной суете.

И так в нее
Безудержно влекло,
Легко —
Монеткой в омуте —
Тонулось.
Легко однажды в жизни
Разминулось
С самим собой.
Догнать вот нелегко...

Вон пляж внизу —
И, с высоты смешны,
Букашками там копошатся люди —
С дремотцею
О чем-то важно судят...
А тем смешны,
Что мне-то — не слышны.

Трагедия не в них,
Она во мне:
Когда восходишь —
Шаг за шагом выше,
И что ни шаг —
Себя все хуже слышишь,
Как будто душу
Позабыл на дне...

Вон пляж внизу...
Там женщина — она
Всегда верна
В кругу мужчин всеядных
Улыбочке
Призывной и невнятной...
Но мне она с вершины не видна.

Видна другая.
Явственно видны
Черты ее с немыслимой вершины —
До горькой на челе ее
Морщины...
Безжалостен резец моей вины!

Чем искуплю?
В виновности слепой,

Доколе мне, бродяжа,
Оступаться?!
Скажи,
В какой купели искупаться,
Чтоб вновь предстать
Безгрешным пред тобой?!

Скользя по круче,
С высоты сойду
К байкальской чаше —
Светлой и проточной.
Скажи, священный, как ты
Непорочной
Сумел сберечь в столетьях
Чистоту?..

Я вниз схожу.
Расплавленно дрожит
В изломах света пляж...
Прощай, пик Черского.
Ты будешь жить в душе моей,
Пик Честности!
Хоть нелегко в таком соседстве
Жить...

Оттепель в январе

На ясную графику улиц
Зима напустила туман.
Так странно,
 как будто, сутулясь,
В булгаковскийходишь роман.

Осколком реальности бывшей
Проносится тень воробья,
Скрывается тополь,
 проплывший
В свои молодые края.

И можно понять лишь по скрипу,
По лаянью труб выхлопных,
Что жизнь торжествует сокрыто
За строем деревьев лепных...

А город совсем обесснежил —
Ни прежних следов, ни примет...
Я жил здесь,
 а может, и не жил?
Любил — а быть может, и нет?

В сумятице полунамеков
Мне заново все открывать,
И снова у брезжащих окон
Тебя, незнакомую, ждать.

И там,
 в эпилоге чудачеств,
Дарующих легкость руки,
Все прошлое
 переиначить
И все развязать узелки.

Останется только оплакать
Себя, молодого.
Отпеть...
Оттаяло.

 Шамкает слякоть...
Доколе все это терпеть?!

* * *

А. Плитченко

Когда затеет жизнь шальная
С тобой недобрую игру,
Не мучься, душу распиная,
А просто — рано поутру

Уйди туда, где все понятно,
Где все открыто и светло,
Где в росах сонно дышит мята
И с петухом встает село.

О, бог мой!

Как это полезно
Услышать, лежа на боку,
Как вышибают из полена
Его зеленую тоску.

И у крыльца плеснуть с ладони
В лицо колодезной водой,
Потом,
пока звенит подойник,
Болтать с хозяйкой молодой.

А после лугом выйти к речке,
Несущей к морю облака,
И слог за слогом

слушать речи
Беспамятного ивняка.

Собрать костер из старых сучьев
И слушать треска разнбой...

И вдруг понять
ясней и лучше,
Что получается с тобой.

Плутая темными кустами,
В бревенчатый вернуться дом.
Все вспомнить.

И вздохнуть устало.
И успокоиться на том.

Так говорил наставник мой...

«Ладей немало
и людей
Отправилось в пучину,
И по сей день
Несчетно их
Губил бы Посейдон,
Но в перебранках мастеров
Тому нашлась причина —
И переборками корабль
Надежно разделен...»

Так говорил наставник мой,
В отставке старый мастер,
И, словно присказку, любил
При этом повторять:
«Отсек затоплен — не беда!
Не мучься понапрасну:
Никак не может твой корабль
Плавучесть потерять!»

Врубаясь в узел бытия,
Он смело на отсеки
И душу живу разделил

(А я кивал: учусь!):
Любовь и Ненависть,
А там
Еще отсек — отсежки
Из прочих разных мелочей
И недоносков-чувств.

Чего бояться, коли так!
Постигнув мудрость эту,
Я после — сам себе слуга
И сам себе король —
Без страха весело бродил
По океану-свету,
Но вот Любви
Ковар-р-рный риф
Мне душу пропорол.

Хвала учителю!
Тому
Я не придавал значенья:
«Отсек затоплен — не беда!»
И не сбавляю пыл.
Но только чувствую — тону,
Дела мои плачевны.
Тогда, опасно накреньсь,
Я к пастырю поплыл.

«О, мой учитель! Помоги! —
Кричу ему моляще. —
Меня усердно ты учил,
Но что-то не учел...»
А он смотрел из-под очков
С бесстрашием маячным,

Потом, качая головой,
Промолвил: «Дурачок!

Тебе помочь я был бы рад,
Но только, видишь, нечем.
Я обманул тебя — за то
Помилуй и прости.
Ты, друг, расчетлив был
и пуст,
Но стал ты опрометчив —
И вот наполнен...
Видит бог,
Я своего достиг!»

* * *

И надо было так случиться:
Когда едва лишь рассвело,
Как две блуждающие птицы,
Мы встретились крыло в крыло.

Светло туманилась протока,
Светило всплыло из реки —
Как будто нас блестящим оком
Мир озирает из-под руки...

И надо ж было так случиться,
Чтоб нам
на главные дела
Судьба, не соблюдая традиций,
Не ночь, а утро отвела.

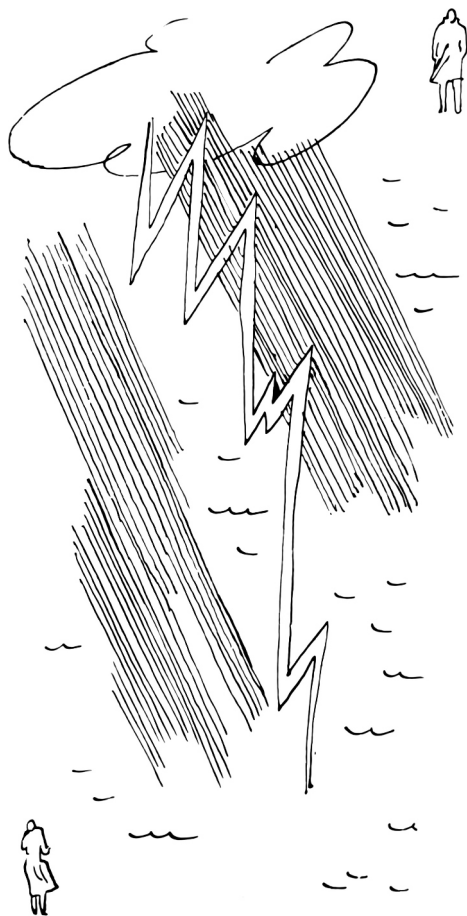
Ах, ночь! Когда все так несложно,
Невидимо, как жар в крови!
Когда слова мерцают звездно
Над изголовьем любви.

А днем
ни чувств, ни глаз не спрятать,
Как перед правдою самой,

И как вселенский соглядатай
Маячит солнце за спиной...

Мы не оставили в подушке
С рассветом клятвенную муть,
Нас не могли слова-гнилушки
Мерцаньем ложным обмануть.

Мы говорили и молчали
О самом важном и простом,
О чем не принято ночами...
И не раскаялись потом!

Какая между нами непогода...

1

Неслышно желтым облетает лес,
Похмельно веки облаков набухли
И тяжело смыкаются над бухтой,
Лишь полоса восхода — как порез...

И я жестоко говорю себе:
Не жалуйся, такое время года...
— Какая между нами непогода! —
С невольной болью я шепчу себе.

А непогода черно хмурит бровь,
Дождями перепутано пространство...
Как просто было нам с тобой расстаться.
Как нелегко соединиться вновь!

Простор бушует, гулом обуян...
Сквозь кутерьму дождя и листопада
Всей силой чувств к тебе пробиться надо —
О, сохрани мой голос, океан!

«Прости!» — шепчу. И чудится в ответ
Твое: «Прости...» — над сопками и падами.
Нелепая такая телепатия...
А дождь идет, и теплохода — нет.

2

За все еще с тобою разочтемся,
Успеется, не надо торопить...
Давно бы надо
нашу разобщенность
Однажды в синем море утопить

Меня дорога круто уносила
Сюда, где океанский бьет прибой, —
И отступало, и теряло силу
Все то, что разделяет нас с тобой.

Да, можно жить до тошноты резонно,
Но мы с тобою так бы не смогли.
А мы с тобой
потерей горизонта
Страдаем, словно в море корабли.

В плену скоропалительных решений
Нам ничего становится не жаль!..
Слежу, как из туманных отношений
Земли и неба
вызревает даль.

Отбушевал свое и отстоялся
Мир грозовой — распахнуты пути.
В свои права вступает
постоянство,
И до тебя — лишь море перейти...

Заклятье на песке

Пески,
 пески с глухой тоски
Горбятся миражно.
Текут невидимо пески,
Как по спине мурашки...

А я за юркой ящеркой
Задумчиво слежу.
А я сижу на ящике,
Песочек ворошу —
Заклятие пишу...

Я вспомнил:
 буйно зелена
Шумят в амурской пойме.
Я понял:
 ты — моя земля,
В песках я это понял.

Пескам за ветром кочевать,
Не вековать им в дюнах...
Меня из сердца вырывать
Ты, милая, не вздумай!

Я буду жить, пока оно
Дарит тепло и свежесть.
Но и земле ведь жить дано,
Покуда корни держат.

А без травы да без леска
Под «лаской» суховея
Она иссохнет до песка,
Навеки овдовеет!

И не маши в ответ рукой:
«Другой вратет, раскинется!..»
А тот другой — недорогой —
Не примется, не примется!

...Не я один заклятия
Вот так писал с тоски,
Да все их
 позагладили
Сыпучие пески...

* * *

Отвергну прощенье и жалость, —
К чему нам все это «кино».
Верни только самую малость,
Верни мне мгновенье одно.

Чтоб мог я опять среди ночи,
Проснувшись в холодном поту, —
Как будто бы всех одиночеств
С груди отрывая плиту, —

В последнем усилии воли
Нащупать, дыша горячо,
Твое, дорогое до боли,
С тесемочкой узкой плечо...

Летний дождь

Светлы твои проказы,
Летний дождь!
Серебряная искренность дождинок
Вступила
С фальшью пыли в поединок —
И грязь стекает,
Словно с правды — ложь.

Смеется дождь:
Закончил столько дел!
Промыты окна, словно к новоселью,
Стал каждый тополь
Нестерпимо зелен
И каждый человек — помолодел.

Вот так, вот так,
Всем бедам вопреки,
И злу — назло
И ссорам неминучим,
С той верностью,
Как туча — дождь сыпучий —
Прошу тебя! —
Ты нежность береги.

Вот так, вот так, —
Любимая, молю! —
Когда душа,
Как поле в зной палящий,
Ты этот «дождь»,
Целительно бодрящий,
Пролей на буйну голову мою!

И раньше было...

И раньше было:

тенькала капель,

Подснежник цвел и пахло снегом талым...

Все в пеструю сливалось карусель

И с тем — свое значение теряло:

Ну — капнуло. Ну, что-то расцвело...

Событие нашли — скажи на милость!

Но зрелость шла — морщинила чело

И легкостью все больше тяготилась.

И — взгляд острей. И горше вкус потерь.

И стало вдруг необычайно важным,

Что вот апрель уже —

и, запотев,

Ствол деревца стал непривычно влажным.

Что скоро вспыхнут хрупкие на вид

Подснежники

рискованно и нежно...

Снег ворошу... Как будто не из снега —

Им из души пробиться предстоит.

Содержание

Э Х О

«Кто выдумал: «Старо, как мир»?	5
Теряется юность в туманах...	6
Он видел смерть...	8
Подмостки	11
Урок	12
Трепач	14
Черемуха	16
Танцы	18
Лейтенанты	20
Человек с бухенвальдским значком	22
«Не справляясь об имени-отчестве...»	24
«Давайте на время забудемся...»	25
Предгрозье	27
Лицом к лицу...	28
Баллада о петухе	31
Какое веселье, бывало...	34
Эхо	36
Болезнь	38
Мастер	40
«Заводу родственник я близкий...»	42
Сварщик	44
Вечная мерзлота	46
Директор	48
Шарики	50
Мерная миля	52
Механик	54
Бухта Светлая	56

День	58
Бражное	59
Есть город такой...	62
Встреча	64
Камчатский рязанец	66
«Уснули в бревенчатом доме...»	68
Багульник	70
Изба	74
Перед заутреней	76
Я — житель города...	78
Был час обеда...	80
«В поэзию пошел «новатор» густо...»	82
«О модной прозе и верлибре...»	83

Л И С Т О П А Д

Время	87
«Что-то в сутолоке дней...»	88
«Что я знаю?...»	90
«Не покоя хочу, но — спокойствия...»	91
«Я наблюдал, как в чистом небе...»	94
«Стою я, защищен стеклом...»	96
Друзья	97
«Жизнь щедра на людей хороших...»	99
«Делит поезд расстоянья...»	101
Море	103
«Я чувствую и трепет, и испуг...»	105
«Когда, до немоты бесчувствен...»	106
Залив Опричник	108
В гостях у Рублева	110
Остров Буян	112
Научи меня, лес опаленный...	114
Ненастье	116
Кузнецик	117
Река	119
Бессонница	121
Осень	124
Но иногда...	126
Пик Черского	128
Оттепель в январе	131
«Когда затеет жизнь шальная...»	133

Так говорил наставник мой...	135
«И надо было так случиться...»	138
Какая между нами непогода...	141
Заклятье на песке	143
«Отвергну прощение и жалость...»	145
Летний дождь	146
И раньше было...	148

Асламов Михаил Феофанович

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРЕМУХОЙ

Хабаровское книжное издательство,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Редактор **П. Н. Богоявленский**. Художник
Е. И. Вольгушев. Художественный редактор **А. В. Колесов**.
Технический редактор **М. Д. Кайдалова**.
Корректор **О. Е. Третьякова**.

Сдано в набор 25/I 1969 г. Подписано к печати 27/III 1969 г.
ВЛ 05163. Бумага на текст и суперобложку мелованная,
формат 70 × 90/₃₂ = 2,375 б. л., 5,56 п. л., 3 97 уч.-изд. л.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 596. Цена 62 коп.

Типография № 1 Краевого управления по печати,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Асламов М. Ф.

А 90 Человек с черемухой. Стихи. Хабаровск.
Кн. изд. 1969.

152 с. 5000 экз. 62 коп.

«Человек с черемухой» — третий сборник поэта. В него вошли стихи о вдохновенных тружениках, строителях коммунизма, воспоминания о суровых военных годах детства, раздумья о месте человека в жизни.

Р 2

7-4-2

34

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Начал я писать стихи, как говорится, всерьез, когда моя жизнь перешагнула за двадцатипятилетнюю отметку и за плечами осталось лет двенадцать рабочей биографии. Иногда я слышу, особенно от своих юных друзей, слова соболезнования по поводу такого трудного и явно затянувшегося творческого рождения. Может быть, они и правы. Но с другой стороны — мне повезло, потому что прожил я две юности: возрастную юность сменила поэтическая...

Когда-то я написал стихи о своем отце-плотнике. Были в них такие строки:

Он выбирал по стуку бревна,
Он в бревнах плотность уважал,
Потом ошкуривал любовно
До смысла, значит, обнажал.
И подгонял одно к другому,
И ставил рамы со стеклом —
И становились бревна домом,
То бишь, лирическим стихом.
О, как гремело в них веселье
И разгорался пир горой,
Когда с размахом новоселье
Справлял лирический герой!..

Я выбиваю эти строки над входом в свой новый поэтический «дом», ибо всем сердцем верую, что смысл человеческого самодуховного утверждения заключается в сотворении добра для людей. Это я утверждаю и об этом пишу...

Третий по счету поэтический дом я построил в силу своего умения, но честно. Живут в нем люди, близкие мне по духу, и они рады, читатель, поделиться с тобой своими раздумьями. Пусть будет тебе у них в гостях, как у себя дома.

М и х а и л А с л а м о в.

62 коп.

